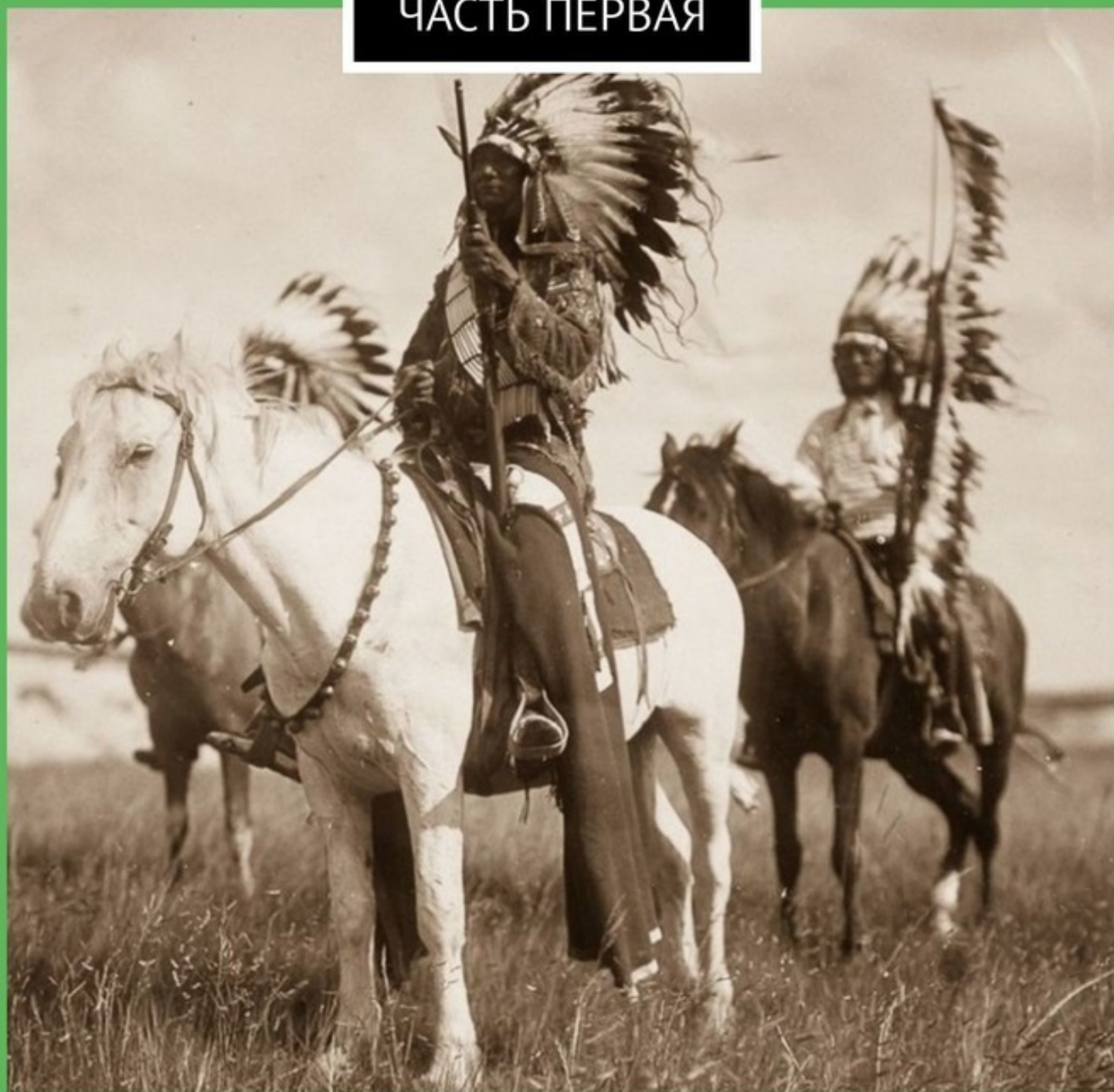

ТОМАС БОННЕР

Авантюрист из Сент-Луиса — вождь краснокожих

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Томас Боннер

**Авантюрист из Сент-Луиса –
вождь краснокожих. Часть первая**

«Издательские решения»

Боннер Т.

Авантюрист из Сент-Луиса – вождь краснокожих. Часть первая /
Т. Боннер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-554850-4

Джеймс Бекуорт — охотник, торговец мехами, первопроходец. В течение нескольких лет занимался охотой на пушных зверей в малоисследованных районах в верховьях реки Миссури и в Скалистых горах. Воспользовался случаем и выдал себя за похищенного в детстве индейца. В течение девяти лет жил в племени и добился высокого положения, став лидером крупных отрядов индейских воинов во время межплеменных войн.

ISBN 978-5-00-554850-4

© Боннер Т.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА	6
ГЛАВА I	12
ГЛАВА II	18
ГЛАВА III	25
ГЛАВА IV	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Авантюрист из Сент-Луиса – вождь краснокожих

Часть первая

Томас Боннер

Переводчик Анатолий Павлович Смирнов

© Томас Боннер, 2021

© Анатолий Павлович Смирнов, перевод, 2021

ISBN 978-5-0055-4850-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Полагаю, многие смотрели снятый в Голливуде в 2015 году фильм «Выживший», получивший три «Оскара». Сюжет фильма основан на реальных событиях. Леонардо Ди Каприо, сыгравший Хью Гласса (реально жившего человека, проявившего исключительную волю к жизни после схватки с медведем-гризли), также получил за эту роль «Оскара» и несколько других премий.

Главный герой этой книги, Джеймс Бекуорт, охотился в той же бригаде, что и персонаж Ди Каприо. Еще два персонажа фильма, Томас Фицпатрик и Джим Бриджер (также реальные люди) входили в ту же охотничью партию, и их имена неоднократно появляются на страницах этой книги при описании тех или иных событий или рискованных приключений.

Джеймс Пирсон Бекуорт (1798—1867) – охотник, торговец пушниной и исследователь. Его матерью была рабыня-мулатка, отцом – отставной майор американской армии, который официально признал Джейса (Джима) своим законным сыном. В возрасте 24 лет Бекуорт уехал на Запад США, где присоединился к бригаде охотников-промысловиков, добывавших пушнину в Скалистых горах для «меховой компании», возглавляемой генералом Уильямом Эшли. Этому занятию Джеймс посвятил несколько лет жизни.

Длительное время находясь на западных территориях страны, он близко познакомился с обычаями и бытом индейцев различных племен, еще не затронутых цивилизацией.

В 1825 году охотник Калед Гринвуд (коллега Бекуорта) у походного костра рассказывал своим товарищам и нескольким присутствовавшим индейцам, что Джеймс якобы был сыном вождя племени индейцев-кроу, и его в раннем детстве во время вооруженного набега украли индейцы-шайены, которые затем продали пленника белым. Эта история широко распространилась среди трапперов (звероловов), так как Бекуорт предпочитал носить индейскую одежду, а смуглый цвет его кожи только «подтверждал» эту гипотезу. Сам Бекуорт, авантюрист по натуре, быстро подхватил эту легенду и вскоре успешно вжился в образ индейца, женился на дочери индейского вождя и следующие восемь или девять лет жил в племени народа кроу. Он участвовал в набегах своего племени на другие индейские племена, а иногда и на партии и отряды белых первопроходцев и торговцев. Постепенно он добился положения уважаемого индейцами вождя одного из племен народа кроу. Это подтверждают несколько белых торговцев, встречавшихся с Бекуортом в этот период. Например, Чарльз Лиланд (журналист, путешественник и фольклорист), написавший предисловие к английскому изданию этой книги приводит слова одного из таких торговцев:

«Однажды я спас жизнь Бекуорту. Я обнаружил, его и возглавляемую им группу белых охотников умирающими от голода, и дал им еду, боеприпасы и прочие вещи.

Через несколько лет я вел обоз фургонов через прерии. Нас, поначалу не торопясь, начал преследовать большой отряд индейцев-кроу. Они явно готовились к атаке. Мои люди с ружьями в руках приготовились к обороне, но индейцев было так много, что шансов выжить у нас не было.

Вскоре я заметил, что их лидером был белый человек. Единственным белым вождем индейцев, согласно широко известной информации, мог быть только Бекуорт. Это был единственный шанс спасти наши жизни. Я с белым флагом выехал навстречу толпе индейцев, и Бекуорт узнал меня. Он был их непререкаемым командиром. Я ему сразу сказал:

«Джим, я однажды спас тебе жизнь. Теперь я здесь, и наша жизнь в твоих руках».

Бекуорт ответил, что не забыл моей щедрости и заверил, что не позволит своим воинам напасть на нас.

После непродолжительной беседы я увидел среди банды индейцев мальчика-мексиканца. Он был красивым мальчиком, и явно тяготился от своего положения пленника. И я сказал:

«Джим, ты и твои индейцы совершаете преступление, держа в плену белых американцев или мексиканцев. Этот мальчик должен пойти со мной».

Бекуорт упорно возражал, но затем согласился. Однако, мне жаль, что я не оставил этого мексиканца у индейцев. Он оказался самым подлым негодяем, из всех, кого носит земля».

В 1837 Бекуорт вернулся в «цивилизованный мир», поселившись в Сент-Луисе. Но вскоре продолжил полную приключениями жизнь. Не буду пересказывать его дальнейшую биографию, читатель сам познакомится с ней на страницах книги.

Сам Бекуорт не был мастером пера, поэтому книга написана журналистом Томасом Боннером, который некоторое время гостил в калифорнийском доме нашего героя и в течение многих вечеров записывал рассказы ветерана Дикого Запада.

Тот же Чарльз Лиланд, автор предисловия к английскому изданию, пишет:

«Читатель может быть полностью уверен в истинности каждого слова этих воспоминаний, и очевидно, что они полностью соответствуют манере рассказов, повествуемых отнюдь не склонными к преувеличениям ветеранами Дикого Запада. Их повседневная жизнь в те времена состояла из постоянных набегов и отражений набегов, противостояния грабежам и преследований индейцев-конокрадов, что нередко выливалось в крупные вооруженные столкновения.

В первый же час, когда я сам прибыл на передовую геодезическую станцию на железной дороге Канзас-Пасифик в 1866 году, в дом вошел служащий и сообщил, что он только что спасся от группы апачей в боевой раскраске, за четыре мили отсюда.

Не прошло и получаса, как прибыл лейтенант Хессельбергер, который привел белую женщину и двух ее дочерей, которых он недавно выкупил у индейцев, рискуя своей жизнью.

И служащий станции, и лейтенант сообщили об этих взволновавших меня событиях, как о чем-то обыденном и повседневном.

Я помню, как однажды встречался с человеком, который, путешествуя из Западного Арканзаса в Филадельфию, был ранен по пути шестью пулями и двумя стрелами. Когда я узнал об этом, то попросил рассказать подробности, заявив, что мне, как журналисту, было очень интересно. Он, похоже, не совсем понял, что я имел в виду, и спросил, о чем я конкретно хотел бы услышать. Я сказал, что истории об индейских войнах очень захватывающие. На что он ответил:

«О, да! Индейцы – это дьяволы – это факт. В последний раз, когда я пересекал Равнины – шесть месяцев назад – они выстрелили в меня шестью пулями, четыре из них до сих пор во мне, и ни один хирург не помог мне от них избавиться».

О двух стрелах мой собеседник даже не счел нужным упомянуть, а о самом нападении им было сказано в таком тоне, как если бы пули, выпущенные в него индейцами, были не более примечательными, чем приступ ревматизма.

Однажды в Западном Канзасе один человек, в беседе со мной узнал, что я собираю индейское оружие. Он заметил:

«Мистер Лиланд, мне жаль, что я не знал о том, что вы интересуетесь такими вещами. Несколько дней назад индейцы убили человека прямо здесь, и я вытащил семь стрел из его трупа. Я выбросил их все. Сейчас я сожалею, что не сохранил стрелы для вас».

Что касается этой книги, она столь же дерзкая, отчаянная и чудесная, как скандинавские саги, но в отличие от них, гораздо более изобилующая сражениями, драками и убийствами. Она написана с подлинным мастерством и в то же время самым простым языком.

Чарльз Лиланд».

Говоря о приключениях тех времен, не будет лишним упомянуть о Хью Глассе, товарище Бекуорта по бригаде охотников, образ которого в фильме «Выживший» запечатлел Леонардо Ди Каприо. Как и в сюжете фильма, Гласс был искалечен медведем-гризли. Человек получил

тяжелые ранения, в частности, перелом ноги. Однако он сумел преодолеть по дикой местности более 300 километров до ближайшего форта, большую часть пути ползком и без запаса еды. Однако, в отличие от героя Ди Каприо, Гласс выжил и прожил еще 10 лет.

Если судить о достоверности событий, описанных в этой книге, то помимо того, что изложил Чарльз Лиланд, было немало свидетелей (белых и индейцев), которые лично знали Бекуорта, и почти все подтверждают основные этапы его биографии и события, пересказанные нашим героем автору книги. Среди них вдова генерала Эшли (главы «меховой компании», на которую Бекуорт в течение нескольких лет трудился в составе бригады охотников-промысловиков). Эта женщина хорошо знала нашего героя и оставила письменные воспоминания, в которых Бекуорту уделено немало строк.

Что касается стиля книги, то ее нельзя назвать ни документальным произведением, ни мемуарами, так как она, хотя и написана от первого лица, все же является плодом труда журналиста Боннера. А в таких случаях автор неминуемо и зачастую несознательно добавляет некоторые незначительные детали к первоисточнику, чтобы связать между собой отдельные эпизоды записанных на слух рассказов. На мой взгляд книга – это художественное произведение, основанное на реальных событиях, а ее персонажи – люди, реально жившие в первой половине XIX века.

Книга чем-то напоминает произведения Джека Лондона, описывающие трудную и полную приключений жизнь первопроходцев на малоисследованных территориях США.

Надеюсь, чтение будет интересным.

Перед тем, как перейти непосредственно к тексту, я хотел бы, в качестве рекламы, ознакомить читателей с книгами, которые переведены мной на русский язык за последние несколько лет. До этого их не переводили. Многие из перечисленных ниже книг есть в интернет-магазинах «Ридеро», «Литрес» и «Озон». Если кого-нибудь заинтересует моя работа, буду рад помочь в поисках указанной литературы, также вышлю подробный каталог с аннотациями всех книг. Пишите на почту lm52@mail.ru

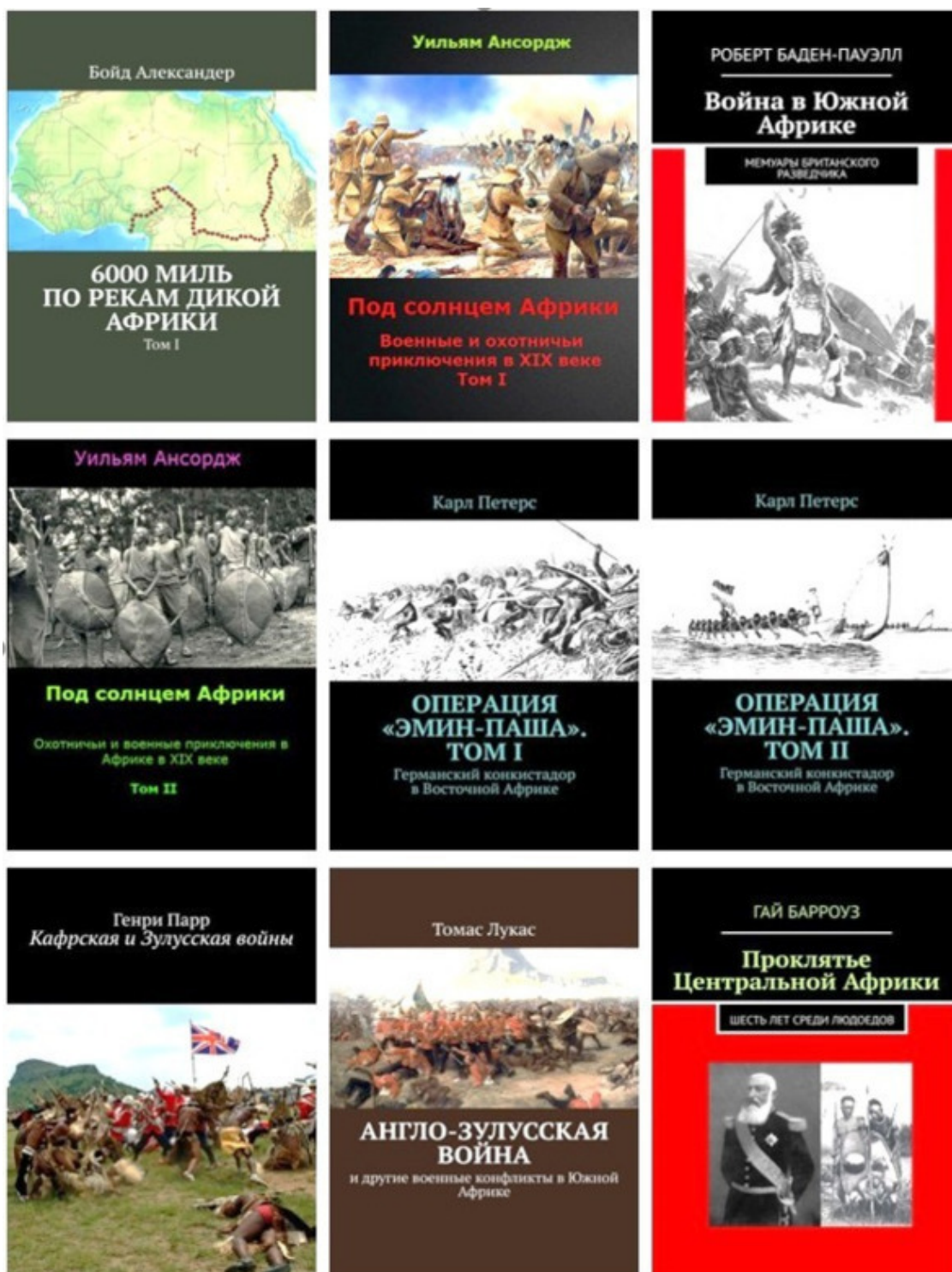
«История британского флота» – 7 томов, один из авторов – Теодор Рузвельт 26-й президент США.

«Кругосветное плавание командора Ансона. Охота за испанским „серебряным“ галеоном».

«Операция „Эмин-паша“» – 3 тома, 580 страниц, 96 иллюстраций и географических карт.

«Под солнцем Африки. Охотничьи и военные приключения» – 2 тома, 361 страница, 175 фотографий и рисунков.

«Англо-зулусская война и другие военные конфликты в Южной Африке» – 221 страница, 54 иллюстрации.

«Обзор Кафрской и Зулусской войн 1878—1879 г.г.» – 154 страницы, 40 иллюстраций.

«Журнал экспедиции, открывшей исток Нила» – 3 тома, 802 страницы, 139 иллюстраций.

«Охота в джунглях Индии и саваннах Африки» – в 4-х частях.

«Земля пигмеев» – 184 страницы, 69 иллюстраций и географических карт.

«Первый европеец на озере Альберт» – 4 тома, 679 страниц, 78 иллюстраций и географических карт.

«Проклятье Центральной Африки» – 248 страниц, 48 иллюстраций и географических карт.

«6000 миль по рекам дикой Африки» – 4 тома, 260 фотографий и географических карт.

«Индейские войны и пионеры Техаса» – 2 тома, 310 страниц, 67 иллюстраций и географических карт.

«Индейские войны на Диком Западе» – 2 тома – 356 страниц

Анатолий Смирнов, переводчик

ГЛАВА I

Я родился во Фредериксбурге, штат Вирджиния, 26 апреля 1798 года. Семья моего отца состояла из тринадцати детей – семи сыновей и шести дочерей. Я был третьим ребенком.

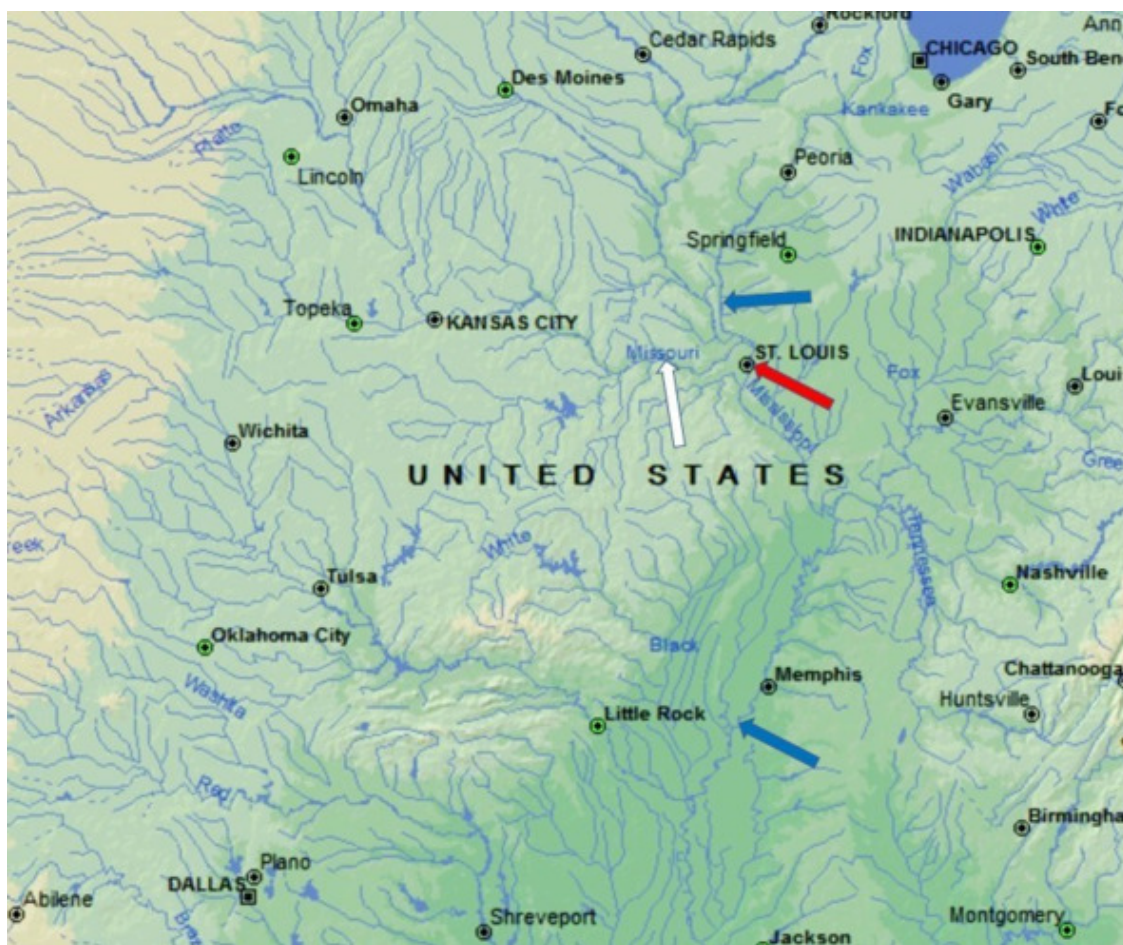
Мой отец был офицером во время войны за независимость и имел звание майора. Он участвовал в той славной борьбе, которая «возвысила достоинство человека и научила его быть свободным».

Я хорошо помню, когда был маленьким мальчиком, частые встречи старых патриотов в доме моего отца, которые садились и рассказывали о различных сражениях, в которых они участвовали в течение «тех дней, которые испытывали человеческие души». По обычаю того времени их встречи нередко оживлялись старым добрым персиковым бренди.

Часто во время этих воспоминаний глаза мужчин тускнели, и слезы текли по щекам старых ветеранов, когда они таким образом снова мысленно участвовали в битвах и вспоминали свои страдания во время войны, через которую прошли.

Мой юный разум был очень впечатлен волнующими сценами, воспроизведенными этими старыми солдатами; но время и последующие невзгоды стерли из моей памяти большую часть их рассказов. Однако я припоминаю один случай, рассказанный моим отцом, когда он сформировал один из штурмовых отрядов во время нападения на Стоуни-Пойнт под командованием генерала Уэйна.

Когда мне было всего семь или восемь лет, мой отец переехал в Сент-Луис, штат Миссури, забрав с собой всю свою семью и двадцать два негра. Он выбрал участок земли между развилками рек Миссисипи и Миссури, в двенадцати милях ниже Сент-Чарльза, который по сей день известен как «Поселение Бекуорта».

Сент-Луис (красная стрелка), река Миссисипи (синие стрелки), река Миссури (белая стрелка)

В этот ранний период нашей истории (1805—1806 гг.) вся окрестная местность представляла собой «воюющую пустыню», населенную только дикими зверями и безжалостными дикарями. Сент-Луис в то время был всего лишь маленьким городком, его жители почти полностью состояли из французских и испанских поселенцев, которые занимались торговлей с индейцами благами цивилизации, такими как «огненная вода», бусы, одеяла, оружие, боеприпасы и т. д. Взамен поселенцы получали пушнину.

Для защиты от индейцев, которые в то время были очень беспокойными и коварными, белым пришлось строить укрепления, расположенные на относительно небольших расстояниях друг от друга, чтобы в случае опасности можно было рассчитывать на взаимную поддержку их небольших гарнизонов.

Эти подобия фортов были построены совместными усилиями белых жителей района. Как правило, объединялись жители четырех-пяти селений и строили деревянное укрепление в центре своих владений, чтобы в случае тревоги все они могли бежать к нему, как к убежищу от нападения дикарей.

На плантациях необходимо было держать постоянную охрану, и пока одна часть мужчин была на работе, другие, с оружием в руках были начеку, наблюдая за коварными индейцами. Эти дни все еще свежи в моей памяти, и именно тогда я постиг основы своих знаний об индейском характере, которые послужили мне таким неоценимым подспорьем в моих последующих приключениях среди них.

Вокруг некоторых укреплений почти постоянно звучала тревога, и не проходило и дня, чтобы жителей не заставляли искать в них защиты. В качестве иллюстрации нашего тогдаш-

него образа жизни я расскажу случай, который произошел со мной, когда мне было около девяти лет.

Однажды отец позвал меня к себе и спросил, считаю ли я себя достаточно взрослым человеком, чтобы отвезти мешок с кукурузой на мельницу. Идея покататься на лошади и посетить город привлекла меня, и я не мог устоять перед ней, поэтому ответил утвердительно. Мешок с кукурузой был положен на спину самой смирной лошади, выбранной специально для этой цели, и «Молодой Джим» (как меня звали) был помещен поверх мешка и двинулся к мельнице в двух милях от нас.

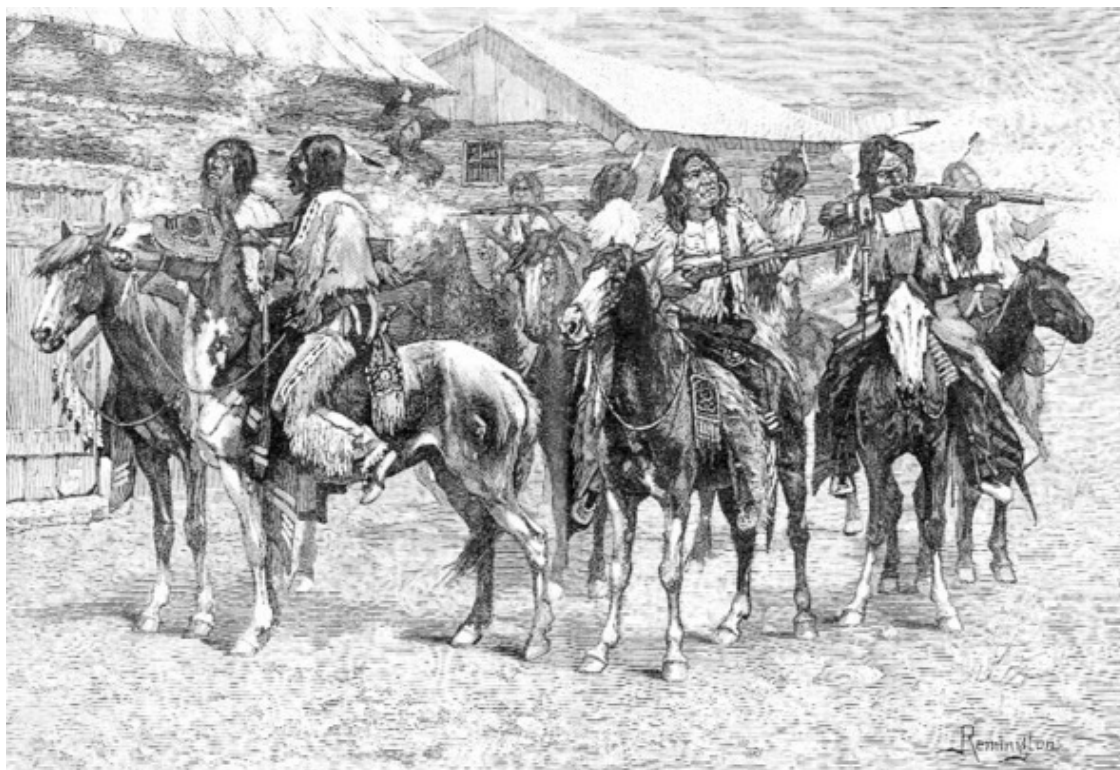
У мельницы жила соседка, у которой была большая семья, состоящая из множества детей, с которыми я часто проводил время за мальчишескими играми. Я радостно подъехал к забору, отделявшему дом от дороги, думая перекинуться парой слов с моими маленькими товарищами по играм, но тут же застыл от ужаса, когда обнаружил, что все дети, восемь человек, возрастом от года до четырнадцати лет, лежали в разных позах во дворе с перерезанными глотками, оторванными скальпами и теплой кровью, все еще сочащейся из их зияющих ран! В дверях дома лежал их отец, а рядом с ним их мать, в таком же состоянии; их всех постигла та же участь.

Бросившись назад, я вскоре оказался в доме отца, но без мешка с кукурузой – как мне удалось потерять его, я так и не вспомнил – и рассказал об увиденном. Отец немедленно поднял тревогу по всему селению, и отряд людей начал преследование дикарей, совершивших это ужасное злодеяние; мой отец с десятью своими черными слугами присоединился к погоне. Через два дня группа преследователей вернулась с восемнадцатью индейскими скальпами; потому что сельский житель сражался с дикарем в индейской манере, и краснокожие платили своим скальпом за скальп белого.

День, когда я увидел убитыми моих маленьких товарищей по играм, все еще свеж в моей памяти, и никогда не исчезнет из моего сознания.

Это была первая сцена жестокости индейцев, свидетелем которой я стал в моем детстве, и я задавался вопросом, как эти дикари могут проявлять такую неумолимую звериную свирепость, желая омыть свои руки кровью невинных малышей, с которыми у них не было никакого повода для ссор. Но мой последующий опыт лучше познакомил меня с таким персонажем, как индеец, о чем читатель узнает на следующих страницах.

Я также вспоминаю большую группу индейцев, собравшихся в своих военных нарядах на противоположном берегу реки Миссисипи, на территории нынешнего штата Иллинойс. Это было в Портидж-де-Суа, в двадцати пяти милях выше Сент-Луиса и примерно в двух милях от дома моего отца.

Их намерением было уничтожить всех белых жителей окрестностей. Был подан сигнал тревоги; большая группа поселенцев собралась, переправилась через реку и после тяжелого сражения нанесла индейцам большие потери, сорвав их кровавые замыслы.

Через три дня после этого боя в поселение вошла женщина, которая три года находилась в плену у индейцев. Она сбежала во время замешательства, связанного с их поражением, и добралась до своих друзей после того как они уже давно считали ее мертвой. Имя этой женщины я не помню, но я не сомневаюсь, что в этом регионе есть старые поселенцы, которые еще помнят обстоятельства и общую радость, с которой отмечался ее побег.

Известие, которые она принесла, носило очень тревожный характер.

Она рассказывала, как несколько индейских племен созвали большой совет и решили совершить общее нападение на Сент-Луис и всю прилегающую территорию с целью истребить без разбора всех белых жителей, за исключением французов и испанцев, которые поддерживали с дикарями тесные торговые отношения. Эти сведения вызвали величайшую тревогу среди жителей, и были предприняты все приготовления для отражения атаки. Были возведены новые укрепления, отремонтированы старые, и все было подготовлено для обороны.

Вскоре после этого индейцы в большой силе выступили против Сент-Луиса. Блондо, переводчик, был отправлен к ним через реку, чтобы сообщить им о том, что в городе все готово для «теплого приема» нападавших. Он сообщил им о том, что их намерения передала белым женщина, сбежавшая из их лагеря; и добавил, что жители Сент-Луиса якобы имели многочисленные «крупные орудия, установленные на повозках», которые в случае нападения легко уничтожат всех индейских воинов.

Краснокожие поверили рассказу Блондо и ушли от города.

В тот период, о котором я говорю, большая часть жителей Сент-Луиса составляли французы и испанцы. Они были в дружеских отношениях со всеми индейскими племенами и хотели сохранить свои давние отношения с красными людьми только для себя, не допуская мирных контактов дикарей с англоязычными жителями. По этой причине они не одобряли расселения среди них американцев, поскольку считали это вторжением в их монополию на тор-

говлю с индейцами. Сент-Луис, являющийся крупным торговым центром для регионов Запада и Северо-Запада, приносил огромные прибыли. Индейцы тоже, считая, что с ними лучше уживаются французы и испанцы, объединились с последними в своей враждебности к наплыву американцев.

Когда мне было около десяти лет, меня отправили в Сент-Луис учиться в школе, где я прожил до 1812 года. Затем я там был отдан в ученики человеку по имени Джордж Каснер, чтобы изучать кузнечное дело. У этого человека был партнер по имени Джон Л. Саттон, который до сих пор все еще проживает в Сент-Луисе.

Поначалу я начал заниматься не только ремеслом, но и торговлей железными изделиями, однако, с некоторым нежеланием, но, смирившись с этим, вскоре был очень доволен своим занятием. Когда мне исполнилось девятнадцать, мое чувство собственной значимости значительно выросло, и, как и многие другие люди моего возраста, я почувствовал себя уже вполне мужчиной. Среди прочих опрометчивых поступков я влюбился в молодую девушку, которая привила мне привычки, которые не одобрялись моим начальником, и в конечном итоге привели к разногласиям между нами.

Часто испытывая искушение нарушить правило моего босса не выходить из дома поздно вечером, я, обнаружив девушку, с которой проводил время, настолько неотразимо привлекательной, что не мог заставить себя подчиняться приказам, и уступал своей страсти. Однажды утром на меня обрушился мой хозяин, используя лексику, которую я считал неоправданно резкой и оскорбительной, и, когда он угрожал уволить меня, я испытал соблазн ответить ему с «взаимной теплотой» и признать, что его намерения в точности совпадают с моими пожеланиями.

Обескураженный этим отпором, он схватил молоток и бросил в меня. Я увернулся и в ответ бросил первую же подвернувшуюся железяку в него, но не попал. Затем завязалась драка, в которой я, молодой и атлетичный, стал хозяином положения, победив старика, а затем, приняв его «вежливое увольнение», направился прямо к своей ночлежке, где все это время «квартировал», за что хозяин платил владелице помещения, удерживая часть моего заработка. Прошло несколько мгновений, и туда прибежал мой обидчик, взывая к моей домовладелице выгнать меня на улицу за то, что я его оскорбил рукоприкладством. Я ответил, что у меня достаточно денег, чтобы самому оплачивать свою койку.

Это спровоцировало его на вторую атаку, в которой он снова проиграл.

После этого я решил покинуть дом и начал готовиться к отъезду; но, прежде чем я закончил свои приготовления, внизу перед лестницей появился однорукий констебль и потребовал, чтобы я вышел к нему. Хорошо зная полученный им приказ, я взял в руку заряженный пистолет и пошел ему навстречу, заверив, что, если он поднимется по ступеням, чтобы арестовать меня, я застрелю его. В моем раздраженном состоянии, подкрепленном некоторой долей алкоголя (в том возрасте мне много и не требовалось), я действительно считал, что мне следовало выполнить свою угрозу; констебль, заметив мою решительность, после некоторых переговоров, не добившись от меня подчинения, ушел.

Будучи уверенным, что он пошел за подмогой, я ускорил свой отъезд и, перебравшись в дом друга, скрывался там три дня, а затем взошел на борт парусной лодки, направлявшейся в шахты на реке Фивер. Но меня обнаружил и при помощи полиции задержал мой начальник, он считал себя ответственным за меня, пока о моем поведении и решении уехать не стало известно моему отцу.

Соответственно, меня отправили домой, и я рассказал отцу о трудностях, которые у меня возникли в отношениях с учителем кузнечному мастерству. Отец посоветовал мне вернуться к ученичеству, но я заявил о своей решимости никогда больше не мириться с хозяином кузницы. Затем мой отец пожелал, чтобы я открыл свой бизнес в его деревне, но я выразил нежелание и заявил о растущем желании путешествовать. Видя мою решимость, отец наконец согла-

сился на мой отъезд. Он увещевал меня некоторыми благими наставлениями, дал мне пятьсот долларов наличными вместе с хорошей лошастью, седлом и уздечкой и просил Бога хранить меня в пути.

Попрощавшись со своими друзьями, я проследовал к лодке и поднялся на борт. Целью, для которой лодка была отправлена вверх по реке Фивер, было заключить договор с индейцами и получить их согласие на разработку рудников, которые в то время находились на их территории. Экспедиция носила строго мирный характер и возглавлялась полковником Э. М. Джонсоном. Нас сопровождал брат полковника, и еще несколько джентльменов вошли в лодку в качестве пассажиров.

ГЛАВА II

Экспедиция насчитывала от шести до восьми лодок, на борту которых находилось около ста человек. Группа в нашей лодке состояла из восьми или десяти человек, среди которых были полковник Джонсон, его сын Дарвин Джонсон, господа Дженьяри, Симмес, Кеннерли и другие, имена которых я не запомнил. Я был принят в партию в качестве охотника.

Галена (желтая стрелка), Рок-Айленд (красная стрелка), Сент-Петерс (белая стрелка)

Мы отчалили и после медленного и утомительного путешествия продолжительностью около двадцати дней прибыли к месту назначения (нынешняя Галена). Мы обнаружили большое количество индейцев, ожидающих нашей высадки, которые уже были знакомы с целью нашего путешествия. Два племени – сауки и лисы – мирно приняли нас, но, поскольку все краснокожие мужчины были вооружены, их грозный вид производил сильное впечатление.

В этом районе расквартировались значительные силы войск Соединенных Штатов под командованием полковника Моргана. Они дислоцировались отдельными отрядами в Прери-дю-Шьен, Рок-Айленде, Сент-Петерсе и Де-Мойне.

После девятидневных переговоров с индейцами был заключен договор, ратифицированный подписями и приложением к бумаге пальцев договаривающихся сторон.

Со стороны индейцев он был заверен Черным Громом, Желтым Берегом, Кеокуком (отцом Кеокука, который участвовал в войне Черного Ястреба).^{*} Со стороны США свои подписи поставили полковники Морган и Джонсон. Эти переговоры завершились, и рудники были открыты для цивилизованного предпринимательства.

** Война Черного Ястреба (6 апреля – 22 августа 1832) была конфликтом между Соединенными Штатами и коренными американцами во главе с Черным Ястребом, вождем сауков. Война разразилась после того, как Черный Ястреб и группа сауков, лис и кикапу в апреле 1832 года переправилась через реку Миссисипи в американский штат Иллинойс с индейской территории штата Айова. Индейцы, очевидно, надеялись вернуть землю, проданную ими Соединенным Штатам в рамках договора 1804 года. В ходе боевых действий индейцы потерпели поражение. Эта война дала толчок политике США по переселению индейцев на запад от реки Миссисипи. Племена были вынуждены продать свои земли и переселиться. Кеокук (около 1780 г. – июнь 1848 г.) был вождем племени саук в центральной части Северной Америки. Он на протяжении десятилетий был одним из наиболее признанных лидеров индейцев и отличался своим миролюбивым отношением к белым американцам – примечание переводчика (далее – А.С.).*

Во время согласования с индейцами предварительных условий договора возникли большие трудности, и каждому члену нашей партии приходилось быть настороже против любых враждебных действий дикарей, которые все были вооружены до зубов. Что касается раздачи подарков, следовавших за заключением договора, включая бочки с виски, ружья, порох, ножи, одеяла и т. д., то затем последовало шумное веселье. Выпивка и танцы разнообразили время, а несколько драк стали продолжением развлечения.

Индейцы вскоре стали очень дружелюбны ко мне, и я был им признателен за то, что они показали мне свои лучшие охотничьи угодья. Было много дичи, в том числе оленей, медведей, диких индеек, енотов и многих других диких животных. Часто индейцы сопровождали меня в моих экскурсиях (которые всегда оказывались в высшей степени успешными), таким образом давая мне возможность расширить мои личные знания об индейском характере. Впоследствии я жил среди индейцев в Восточных и Западных штатах, в Скалистых горах и в Калифорнии. Я считаю, что их образ жизни и их религиозные убеждения в значительной степени одинаковы для всех несвязанных между собой племен. Все верят в одного и того же Великого Духа, у всех есть свои пророки, знахари и прорицатели, и на них одинаково влияют различные предзнаменования, что наводит на мысль о том, что все первоначальные племена на всем континенте, от Флориды до самого северного побережья, произошли от одного народа и все еще сохраняют в некоторой степени обычаи и нравы своих примитивных предков.

Я оставался в этом регионе в течение восемнадцати месяцев, занимая свободное время работой в шахтах. За этот период я накопил семьсот долларов наличными и, чувствуя себя довольно богатым человеком, решил вернуться домой.

Натчез (белая стрелка), Новый Орлеан (красная стрелка), река Миссисипи (синие стрелки)

Мой отпуск был оплачен, и я почувствовал склонность попутешествовать подальше и поплыл на пароходе «Колхаун» капитана Гловера, собираясь спуститься по реке в Новый Орлеан. Мое пребывание в Новом Орлеане длилось десять дней, в течение которых я заболел желтой лихорадкой, заразившись ей по дороге из Натчеза. Была середина лета, и я хотел вернуться домой, искренне сожалея, что побывал в этом нездоровом месте.

Когда моя болезнь отступила, я, не теряя времени, вернулся домой и оставался под крышей отчего дома, пока в какой-то мере не набрался сил.

Одержимый сильным желанием увидеть знаменитые Скалистые горы и огромные просторы Дикого Запада, о которых так много говорят, я вступил в компанию по заготовке пушнины, возглавляемую генералом Эшли,* и отправился к Скалистым горам. Наша группа состояла из двадцати девяти человек, нанятых «Меховой компанией» в качестве охотников и звероловов.

** Уильям Генри Эшли (1778—1838) – американский генерал, предприниматель и политик. Глава компании по добыче пушнины «Rocky Mountain Fur Incorporated». В 1822 году дал объявление в газетах, что набирает группу молодых людей для охоты на пушных зверей в верховьях реки Миссури и в Скалистых горах. Многие охотники и трапперы из этой группы стали известными людьми не только на Диком Западе, но и по всей стране. Среди них Джеймс Бекворт, Джеймс Киркер, Джедедайя Смит, Хью Гласс, Уильям Саблетт, Томас Фицпатрик и Джим Бриджер (трое последних часто появляются на страницах этой книги). В 1826 году Эшли возглавил экспедицию в долину Большого Соленого озера, где основал форт Эшли. В 1831 году был избран в Палату представителей США (нижнюю палату Конгресса США). Умер от пневмонии в 1838 году – А.С.*

Мы стартовали 11 октября с лошадьми и вьючными мулами. Ничего интересного не произошло, пока мы не подошли к деревне Канзас, расположенной на реке Канзас, где мы остановились и расположились лагерем.

Здесь выяснилось, что нам очень нужны лошади взамен нескольких наших, павших от холода и бескормицы. Лесные индейцы на их стойбищах в этом районе либо вообще не держали лошадей, либо этих животных было мало и краснокожие отказывались нам их продавать. Кроме того, отношения с окружающими индейцами не сложились. Единственным вариантом было вернуться на равнины, где пауни держали большие табуны, и купить несколько выносливых, стойких к суровым зимним условиям индейских лошадей, способных находить корм чуть ли не под снегом. Помощь в покупке животных должен был оказать агент «меховой компании», поддерживавший торговые отношения с равнинными индейцами.

Скалистые горы (желтые стрелки)

Генерал Эшли пожелал, чтобы двое мужчин отправились к дружественным индейцам-пауни, обитающим в двухстах милях, где, как он надеялся, мы можем получить лошадей. Наши оставшиеся животные из-за отсутствия нормального корма ослабели и не смогли бы

преодолеть такой длинный маршрут, питаюсь только чахлой прошлогодней травой на редких участках, не покрытых снегом. Предстояло идти пешком.

В нашем отряде был старый и опытный горец по имени Моисей Харрис, к которому генерал питал особое доверие благодаря его знанию страны и знакомству с индейской жизнью. Этот Харрис слыл неутомимым ходоком, который после долгого пребывания в горах обрел способность переносить крайние лишения и усталость. Он и был назначен одним из посыльных. Предстояло выбрать другого.

Похоже, мужчины очень неохотно относились к столь опасному путешествию (так как сейчас была зима) в компании с Харрисом. В лагере также шептались, что тот, кто лишился сил находясь в долгом пути с Харрисом, не получал от него помощи, а бывал брошен на произвол судьбы в пустыне.

Наш лидер, видя это общее нежелание, попросил меня отправиться в это путешествие. Будучи молодым и имея желание отличиться в каком-нибудь важном деле, я попросил разрешения поговорить с Харрисом, прежде чем дать согласие.

Когда вызвали Харриса, состоялся следующий разговор:

«Харрис, я думаю сопровождать тебя в этой поездке».

«Хорошо, Джим, – ответил он, внимательно изучая меня, – как думаешь, ты выдержишь это?»

«Не знаю, – ответил я, – но я постараюсь и хочу, чтобы ты запомнил одно: если я сдамся в дороге, а ты захочешь оставить меня умирать, если у меня будут силы поднять и взвести винтовку, я непременно остановлю тебя».

Харрис пристально посмотрел мне в глаза и ответил:

«Джим, ты можешь идти впереди меня весь путь. Если я буду идти первым, задавая темп ходьбы, ты наверняка устанешь и сам будешь в этом виноват».

«Это мне подходит, – ответил я, – мы выходим утром».

На следующее утро мы отправились в путь, взяв по двадцать пять фунтов провизии каждый, не считая одеял, ружей и боеприпасов. Пройдя около тридцати миль, я впереди, мой товарищ, замыкая тыл, Харрис пожаловался на усталость. Мы остановились, и Харрис сел, а я развел большой веселый костер, потому что вечер был довольно холодный.

Мы сварили кофе и плотно поужинали, несколько облегчив рюкзаки. Но пока я носил дрова, чтобы поддерживать огонь, увидел, как Харрис поспешно схватил ружье и в следующий момент сбил с дерева толстую индейку в нескольких ярдах от костра. Немедленно перезарядив ружье, так как старые горцы никогда не допускают, чтобы их ружья оставались пустыми ни на мгновение, Харрис выстрелил, и упал второй индюк, такой же большой и толстый.

Таким образом, мы были обеспечены плотным завтраком. После того, как мы подкрепились обильным ужином, мой товарищ предложил поохотиться на индеек, чтобы взять добытую дичь с собой на следующий день. Нам обоим это удалось, а затем, ошипав четырех индеек, мы завернулись в одеяла и наслаждались крепким ночным сном.

На следующее утро мы позавтракали отборными порциями индюшатины, а часть оставили волкам, которые всю ночь бродили вокруг костра в поисках добычи.

Мы двинулись вперед как можно раньше и продвинулись в тот день примерно на двадцать пять миль. Мой товарищ снова пожаловался на усталость и отдыхал, пока я разводил костер, принес воды и выполнял всю кулинарную работу. Отобранные порции вчерашней индейки с добавлением хлеба и кофе послужили нам ужином и завтраком.

После десяти дней путешествия мы прибыли в расположение племени пауни. Но каковы были наши ужас и тревога, когда мы обнаружили, что это место совершенно безлюдно! Индейцы перебрались на зимовку в другой район. У нас совсем не было провизии, потому что мы рассчитывали найти изобилие в вигвамах. Мы старательно искали их тайники (места, где

хранится провизия), но ничего не нашли. Нашей единственной альтернативой было поискать дичи, которой, как мы считали, в такой близости к индейскому селению, должно быть мало.

Я ненадолго прерву свое повествование, чтобы дать некоторые пояснения относительно различных племен народа пауни.

Этот народ делится на четыре части:

Племя большие пауни.

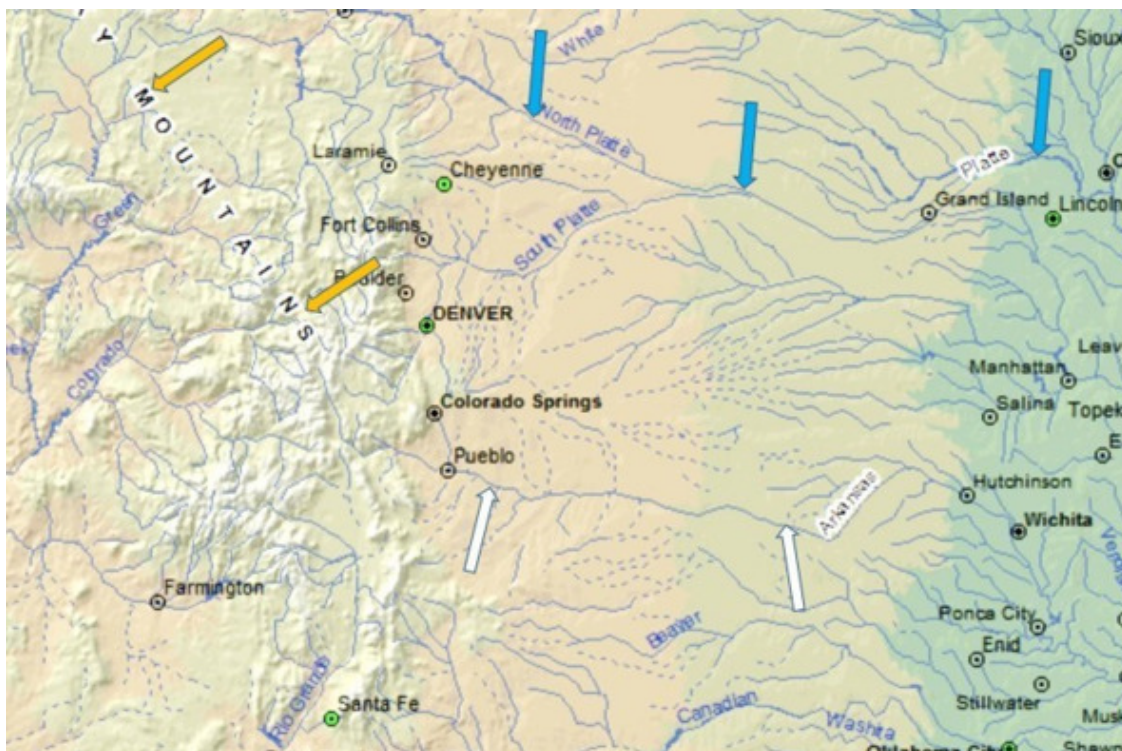
Племя пауни-лупы или волчьи-пауни.

Племя татуированные пауни

Племя черные пауни.

Эти четыре группы составляют весь народ. Каждое племя независимо и подчиняется собственному вождю, но для взаимной защиты или в других случаях крайней необходимости они объединяются в одно целое.

Они занимают огромную территорию, простирающуюся от реки Платт на юг до Арканзаса, и в то время, о котором я говорю, могли собрать от тридцати до сорока тысяч воинов. Как и все другие индейские племена, они постепенно исчезли по разным причинам: оспа и война унесли их тысячами. Некоторые из племен уменьшились наполовину из-за этой смертельной болезни (во многих случаях намеренно распространенной среди них их цивилизованными собратьями). Оспа смертельная для индейцев из-за их полного незнания подходящего лекарства. Их неизменным лечением от всех недугов является погружение в холодную воду, поэтому неудивительно, что такие процедуры в высшей степени безуспешны в лечении оспы.

Река Платт (голубые стрелки), река Арканзас (белые стрелки), Скалистые горы (желтые стрелки)

Вот интересный эпизод из уст индейца-переводчика:

«Около тридцати лет назад, во время правления президента Монро,* могущественный вождь по имени Двойной Топор из племени пауни-луп, нанес визит «Великому Отцу» (прези-

денту). Индеец был выше шести футов ростом, спортивного телосложения и прямой, как стрела. Племя направило его в Вашингтон для заключения договора с «Великим Отцом».

** Джеймс Монро (1758—1831) – пятый президент США с 1817 по 1825 годы – А.С.*

Когда вождя представили, президент через переводчика сообщил ему суть своего предложения по договору. Умный индеец, понимая, что предлагаемый договор будет очередным обманом, терпеливо сидел во время чтения переводчиком подготовленной бумаги. Чтение закончилось, индеец встал, сохраняя внешнее спокойствие, и в духе истинно индейского красноречия, в котором он был непревзойден, заявил, что договор был задуман несправедливо; что индейцы в результате козней «Великого Отца» подписали множество договоров, по которым они променяли могилы своих отцов на несколько бесполезных безделушек, и впоследствии их сердца плакали от совершенного безумия; что такие индейцы оказались дураками и женищинами. Он выразил свое свободное мнение о «Великом Отце» и всех его белых детях и в заключение заявил, что он не подпишет никакой бумаги, которая заставила бы горевать его собственную грудь или грудь его народа.

Соответственно, Двойной Топор внезапно прервал переговоры и возвратился к своему племени, не заключив с «Великим Отцом» никаких договоров».

ГЛАВА III

Мой напарник и я советовались, как действовать дальше. Мы решили сделать все возможное, чтобы добраться до реки Гранд-Не-Мах-Хау, одного из притоков Миссури. Мы прибыли к этой реке после девятидневного путешествия, будучи совершенно без провизии, за исключением небольшого количества кофе и сахара. Мой спутник был измучен и выглядел не лучшим образом. Я был молод и не чувствовал особой усталости, хотя испытывал неистовый голод. Достигнув реки, я оставил Харриса у костра и, взяв ружье, отправился на поиски дичи.

По воле случая я наткнулся на лося, и мне удалось застрелить его. Мы расположились лагерем возле него, предвкушая пир. Однако животное оказалось старым и его мясо было очень жестким, но мы были голодны и приготовили очень вкусный ужин. На следующее утро мы продолжили путешествие по Не-Мах-Хау, пройдя еще пять дней. Мясо, которое мы взяли с собой, закончилось, и мы надеялись найти какую-нибудь, хотя бы небольшую, дичь. Мы выбросили одеяла, чтобы избавиться от всякого лишнего груза, но наше продвижение было очень медленным,

На пятый день мы вышли на большую индейскую тропу, на которой обнаружили свежие следы. Мой товарищ теперь полностью сдался и сев на землю, заявил, что не может идти дальше. Он объявил, что в настоящее время мы находились в тридцати милях от торгового поста Эли. Я пытался убедить его, чтобы он встал и двинулся дальше, но он мог делать только по несколько шагов за раз. Я тоже чувствовал, что слабею; тем не менее, верил, что смогу добраться до Эли, если не встречу неожиданных препятствий; Если я задержусь с Харрисом, то мы оба неминуемо погибнем.

Харрис прямо заявил, что не может двинуться ни на шаг дальше; он с трудом мог ставить одну ногу перед другой, и я видел, что он потерял желание бороться за жизнь.

Я сказал ему:

«Харрис, мы оба погибнем, если останемся здесь. Я постараюсь сделать все возможное, чтобы пройти до поста по этой тропе. Я верю, что смогу добраться до Эли».

Я знал, что индейцы, по следу которых мы шли, направлялись именно к торговому посту со своими мехами.

Но Харрис не хотел этого слушать.

«О, Джим, – рыдал он, – не оставляй меня; не оставляй меня здесь умирать! Ради бога, оставайся со мной!»

Я изо всех сил старался убедить его продолжить путь, и мне это удалось. Я помог ему подняться, и мы снова двинулись по тропе.

Но по тому темпу, с которым мы продвигались, я видел, что уже не имеем шансов остаться живыми. Поэтому я сказал Харрису, что мне придется оставить его, а ему – ждать моего возвращения на следующий день с лошадью, чтобы отвезти его к торговому посту. Я пошел дальше, он, пересилив себя, плелся за мной, вскоре отстав на сто ярдов; я же пришел к окончательному выводу, что если не использую оставшиеся силы, чтобы добраться до Эли, мы оба погибнем.

Собрав волю в кулак, я удвоил скорость, решив добраться до поста прежде, чем окончательно потеряю силы. Я не прошел и полмили, как услышал выстрелы двух ружей и, посмотрев в направлении донесшихся звуков, увидел двух приближающихся индейцев, жестами демонстрирующих мирные намерения.

Подойдя, один из них воскликнул:

«Ты мертв – ты не жив!»

Вероятно, внешне я больше походил на покойника, чем на живого человека.

Я объяснил ему, что оставил своего товарища, и что мы оба чуть не умерли от голода. Они обменялись несколькими словами на своем языке, и один поспешно пошел по тропе в сторону поста, а другой вернулся со мной к Харрису.

Когда мы приблизились, я услышал, как он стонет:

«Джим! Вернись! Вернись! Не оставляй меня!»

Мы подошли к нему, и я сообщил, что теперь мы в безопасности; что я встретил индейцев, и мы скоро почувствуем облегчение. Примерно через три часа послышался топот копыт, и, подняв глаза, мы обнаружили отряд индейцев, приближающихся на полной скорости. Они принесли порцию легкой еды, состоящей из кукурузной муки, превращенной в нечто вроде кашицы, которую они давали нам лишь по маленькой ложке через короткие промежутки времени. Когда Харрис достаточно восстановился, чтобы с помощью индейцев сесть на лошадь, мы все двинулись к посту.

Оказалось, что два индейца, с которыми мне повезло встретиться, задержались позади основной группы, чтобы развлечься стрельбой по мишеням из своих ружей. Той ночью мы расположились с ними лагерем, и они продолжили тот же режим кормления небольшими периодическими порциями кашицы. Несколько раз могучий индеец хватал каждого из нас за руку и заставлял бежать, пока наши силы не иссякали. Тогда другие члены партии поддерживали нас с каждой стороны и подгоняли до тех пор, пока их собственные силы не подводили их. После этой зарядки нам давали одну или две ложки кашицы.

Повторив это упражнение несколько раз, они, наконец, поставили перед нами большое блюдо, содержащее оленину, медвежье мясо и индейку, с предложением есть все, что мы захотим. Излишне говорить, что я ел эту еду с аппетитом, который никогда не испытывал ни до, ни после.

Рано утром следующего дня мы прибыли на торговый пост «Эли и Кертис», расположенный на реке Миссури, недалеко от устья реки Канзас. Когда я вошел в дом, то услышал, как кто-то воскликнул: «А вот и Джим Бекуорт и Блэк Харрис», – так мой спутник из-за своего измученного вида получил прозвище «Блэк» (Черный), под которым с тех пор стал известен. Двое из находившихся на посту людей совсем недавно охотились в нашей партии, и мы были знакомы.

Эли (один из двух владельцев поста) поднялся со стула, чтобы поприветствовать нас.

«Да, – сказал он, – они точно похожи на трупы».

Другой голос воскликнул:

«Привет, Джим! Что с тобой? Это ты или только твой призрак? Пойдем и выпьем бренди. В любом случае, ты, должно быть, „высох“, будь ты живой или мертвый».

Мы приняли приглашение и каждый выпил по стакану, которые в нашем сильно ослабленном состоянии нас быстро «победили». Оставшись наедине, я решил, что, если переживу нынешние опасности, то непременно вернусь к цивилизованной жизни. Состояние, до которого я был доведен, настолько смягчило мои обиды, что, если бы я встретил своего бывшего босса из кузнечной мастерской, я бы непременно протянул ему руку в знак примирения.

Индейцы, с которыми мы так удачно встретились, принадлежали к канзасской группе племени осейджей и, как мы и предполагали, они собирались продать свои меха на торговом посту. Их товары состояли в основном из шкур, добытых благодаря их умению охотиться на диких животных равнин. Приобретая эти шкуры, господа Эли и Кертис очень щедро вознаграждали индейцев пользующимися спросом товарами и припасами за их человечность в оказании нам помощи. Также это было сделано в качестве возможного поощрения для других индейцев, на тот случай если те случайно найдут белых в столь же бедственном положении.

После восстановления сил и здоровья на торговом посту, где я пользовался трогательным вниманием со стороны господ Эли и Кертиса, я решил не возвращаться к партии генерала Эшли, а отправиться в Сент-Луис. Но мой путь домой закончился на торговом посту Джорджа

Шуто, где я прикинул расстояние до Сент-Луиса и отказался от намерения ехать туда, отложив свое возвращение до весны, когда Миссури освободится от льда. Мистер Шуто нанял меня, чтобы я помогал укладывать меха в тюки за двадцать пять долларов в месяц.

Когда река освободилась от льда, я на лодке поплыл в Сент-Луис и через пять дней благополучно прибыл в город прекрасным ранним вечером.

Вскоре после моего прибытия я встретил генерала Эшли, который вернулся в город за новыми людьми. Генерал был очень удивлен, увидев меня живым, он пришел к выводу, что моя судьба была такой же, как и десятков других, нанятых «меховыми компаниями» и погибших от холода и голода. Генерал сообщил мне, что нанял сто двадцать человек, которые уже направились в горы.

Он заявил, что я был именно тем человеком, которого он искал, и уговаривал меня поехать за его отправленными людьми, догнать их и сопровождать к месту охоты. Генерал добавил, что если я соглашусь, то должен буду отправиться в путь на следующее утро.

Мои чувства были чем-то похожи на чувства молодого моряка, вернувшегося из своего первого плавания. Я совершил одну поездку на Дикий Запад и вернулся в целости и сохранности, и теперь мне хотелось сделать долгий перерыв и провести его с отцом. Однако я позволил аргументам старого генерала взять верх над моими намерениями, и я вновь подписал контракт с ним, пообещав завтра же направиться к месту работы. У меня было несколько часов, чтобы навестить своих друзей, а утром предстать перед генералом.

Выслушав его указания и получив восемьсот долларов золотом для передачи мистеру Фицпатрику (агенту генерала Эшли, находившемуся в то время в горах), я сел на хорошую лошадь и пустился в погоню за группой, которая опередила меня на пять-шесть дней пути.

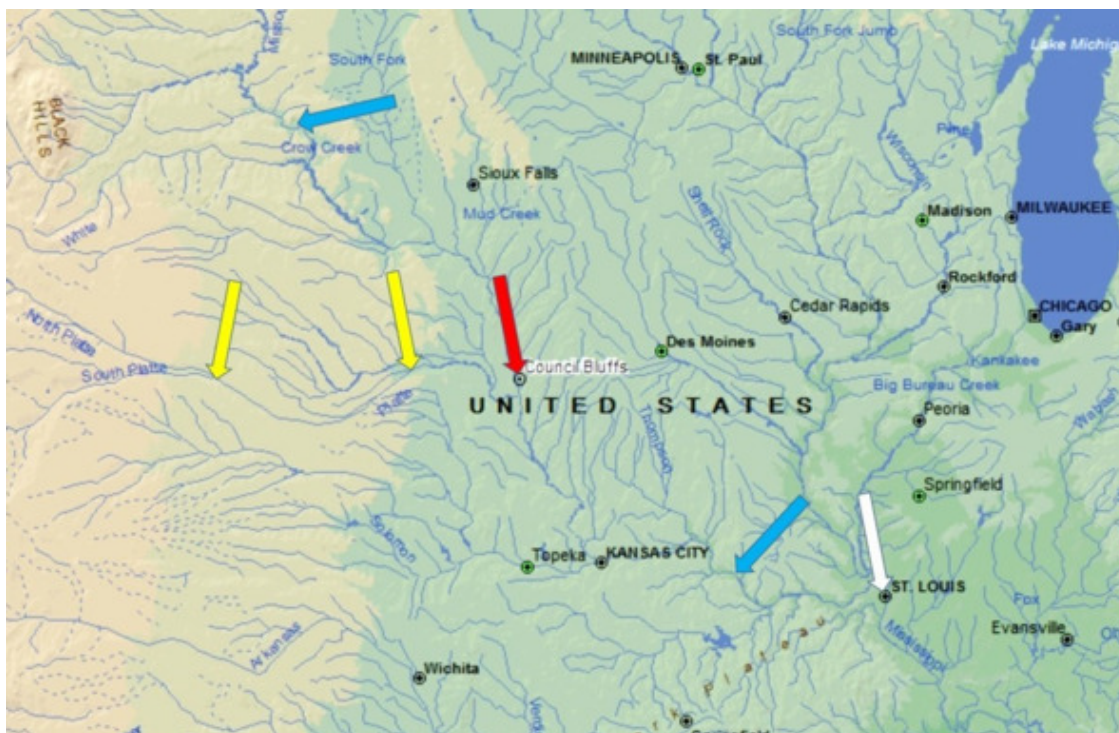
Здесь я могу заметить, что генерал недавно женился и, чувствуя явное нежелание отрываться от прелестей молодой жены, послал меня с инструкциями для своей партии. Однако, Эшли все-таки последовал за нами примерно через неделю и догнал партию во Франклине на реке Миссури.

Было начало мая, когда я отправился в путь. Возрождающаяся после зимней спячки природа выложила передо мной так много чар, что мои предыдущие страдания стерлись из памяти. Деревья покрывались свежей зеленью, цветы раскрывали свою красоту со всех сторон, а почти с каждой ветки птицы пели свои самые сладкие песни. Эти картины и звуки поразили мои чувства и были гораздо более приятными, чем вой волка или рычание пумы, которые звучали в наших ушах в лесах и прериях Дикого Запада.

После того, как к нам присоединился наш генерал, мы двинулись вверх по Миссури до селения Каунсил-Блаффс, а оттуда двинулись в сторону реки Платт. Вскоре после нашего прибытия на Платт мы имели большое несчастье потерять почти всех наших лошадей, примерно двести голов, украденных у нас индейцами.

Некоторое время мы шли по их следу, но, посчитав бесполезным преследовать конных индейцев пешком, наш генерал отказался от погони. Мы не смогли установить, к какому племени принадлежали грабители, но позже я узнал, что это были либо а-тансы, либо аррапахо.

Затем наш генерал приказал вернуться в Миссури и купить необходимых нам лошадей, а сам вернулся в Сент-Луис, чтобы заняться некоторыми делами и, возможно, отдать дань уважения своей даме.

Каунсил-Блаффс (красная стрелка), река Миссури (голубые стрелки), Сент-Луис (белая стрелка), река Платт (желтые стрелки)

Нам удалось получить лошадей, пройдя примерно двести миль, заплатив за них деньгами, посланными генералом Эшли из Сент-Луиса. Затем мы снова вернулись в наш лагерь на Платте. Это приключение заняло почти все лето; и мы предохранялись от повторения несчастья, строго наблюдая за лошадьми днем и ночью. В то время как часть компании была занята закупкой нашего второго комплекта лошадей, другая часть оставалась в дикой местности, чтобы охотиться и ставить капканы и ловушки, а также собирать запасы провизии для нашего будущего потребления. Охотники добились большого успеха и поймали большое количество бобров и выдр, а также настреляли много дичи.

Генерал Эшли вернулся к нам в сентябре, и по его приказу Фицпатрик и Роберт Кэмпбелл направились к развилке реки Лу, взяв с собой всех людей, кроме восьми, которые остались с генералом, чтобы подняться по реке Платт в поисках группы промысловиков, которую он оставил там предыдущей зимой, из которой мы с Харрисом вышли, чтобы отыскать стойбища племени пауни.

После нескольких дней пути мы нашли группу, которую искали. Все они были здоровы, успешно поохотились и неплохо торговали с отдельными группами индейцев, обменивая товары цивилизации на шкуры. Но в последнее время им приходилось довольно тяжело, так как дичь, которая была их единственным источником пропитания, часто было трудно заполучить.

Здесь я должен упомянуть, что во время нашей второй поездки мы встретили Харриса, который вернулся в нашу компанию здоровым и приветливым.

В те дни группы охотников-промысловиков для получения запаса провизии должны были полагаться только на свои ружья.

Ни одна группа не могла получить достаточного количества продуктов за пределами района самых отдаленных поселений белых людей. Поэтому наша пища состояла из оленины, мяса диких индюков, которых было очень много, медвежатины, а во времена жестокого голода мы питались даже мясом мертвых лошадей. Изредка немного муки, сахара и кофе привозились

в горы редкими и случайными путниками, но те, кто имел эти продукты, просили за них непомерно высокую цену, и лишь немногие из нас могли иногда позволить себе такую роскошь.

Теперь мы были в стране бизонов, но индейцы прогнали их всех. Прежде чем мы покинули поселения, наша группа почти бесплатно пользовалась ульями, свиньями и домашней птицей, принадлежавшими поселенцам. Причина такой щедрости заключалась в том, что здешние белые жители были хорошо знакомы с мародерством и грабежами, которыми часто занимались местные индейцы, и знали, что оружие нашего отряда обезопасит их от любого нападения со стороны краснокожих.

В нашей компании было два испанца, которых мы однажды утром оставили позади, чтобы поймать лошадей, которые разбрелись на пастбище вокруг лагеря. Двое мужчин остановились в доме, где жила уважаемая белая женщина, и, увидев ее без защиты, испанцы совершили позорное нападение на нее. Несколько поселенцев преследовали мерзавцев до нашей очередной стоянки и заявили о совершенном в отношении женщины насилии. Мы все отнеслись к преступлению с величайшим отвращением и чувствовали себя опозоренными тем, что кто-то из нашей партии виновен в столь отвратительном поступке. Испанцы были арестованы, и сразу признали свою вину. В присутствии поселенцев был созван совет, и преступникам предложили на выбор два наказания: либо быть повешенными на ближайшем дереве, либо получить по сто ударов плетью по голой спине. Они выбрали последнее наказание, которое сразу же и с готовностью применили четверо из нашей партии. Поскольку в нашем распоряжении не было «кошачьих девятихвостов», в качестве плетей были использованы покрытые колючками стебли лозы. Спины наказанных были ужасно изрезаны, и кровь струями текла на землю.

На следующее утро оба испанца и две наши лучшие лошади пропали из лагеря; мы не преследовали их, но по обнаруженным следам было очевидно, что они отправились на юг, в Нью-Мексико.

ГЛАВА IV

По прибытии в лагерь на Платте, о котором говорилось в предыдущей главе, мы обнаружили, что двадцать шесть человек голодали, ослабели и находились в подавленном настроении. Они ожидали прибытия большой компании с обильными припасами, и когда мы присоединились к ним без всяких припасов, они были сильно разочарованы. Генерал Эшли приложил все усилия, чтобы вселить в них надежду и уверенность в будущем улучшении ситуации, хорошо зная, однако, что если мы не сможем найти дичь, шансы остаться живыми будут ничтожны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.